

Цзи Чжаохэн каждый день приходил сюда, чтобы составить компанию Су Яньи. Даже зная, что в ответ он неизменно получит лишь холод и отвращение, он оставался верен себе. Его сердце уже давно принадлежало Су Яньи, а значит, и сам он душой был там, где находился этот человек.

Увидев, что Су Яньи повернулся к нему спиной, Цзи Чжаохэн ничуть не рассердился. Он протянул руку, достал из рукава девять колец, выточенных из белого нефрита, и положил их на столик перед нефритовой кроватью. Су Яньи, запертый здесь, наверняка скучал, и Цзи Чжаохэн надеялся хоть как-то развлечь его этими безделушками.

Даже не оборачиваясь, Су Яньи почувствовал его движения. Обычно, когда Цзи Чжаохэн приносил очередную игрушку, он на глазах у него разбивал её вдребезги, а затем осыпал колкими насмешками. Вид обескураженного Цзи Чжаохэна всегда доставлял ему удовольствие.

Сегодня он тоже собирался разбить вещь, но, повернувшись и взяв нефрит в руки, внезапно замер — поверхность оказалась ледяной. Этот предмет был очень приятен на ощупь, а поскольку техника, которую он практиковал, была пронизана энергией холода, да к тому же он недавно пострадал от ожогов пламенем, эта вещь могла принести ему немалую пользу.

Су Яньи понял это в тот же миг, как коснулся нефрита. Присмотревшись, он заметил, что сквозь белоснежную толщу камня проступают алые прожилки, напоминающие тончайшие нити крови. От предмета исходил ощутимый холод, и в голове Су Яньи внезапно вспыхнула догадка:

— Тысячелетний нефрит холодной крови?

— Верно, — кивнул Цзи Чжаохэн. Увидев, что Су Яньи не бросил подарок на пол, он почувствовал облегчение — его труды по поиску этой редкости не были напрасными.

Су Яньи погладил пальцами поверхность колец, признавшись самому себе, что теперь ему жаль их выбрасывать. Нефрит холодной крови, рождённый в недрах горы Куньлунь под влиянием небесной энергии, был невероятной редкостью. Его использовали и как лекарство для совершенствования, и как основу для создания магических артефактов. Для самого же Су Яньи он был ценен тем, что мог питать его необычную духовную сущность. Он давно мечтал раздобыть нечто подобное, но не мог проникнуть в Куньлунь, и после череды неудач оставил надежды. Теперь же, когда такая драгоценность оказалась в руках, грех было от неё отказываться.

Конечно, благодарить он не собирался. Присвоив вещь, Су Яньи тут же указал гостю на дверь:

— Забираю. А теперь можешь проваливать.

— И вот так ты меня прогоняешь? — Цзи Чжаохэн присел на край кровати, в его глазах блеснула усмешка.

Су Яньи слегка приподнял уголки губ. Казалось, он был очень доволен новой игрушкой. Не удостоив Цзи Чжаохэна взглядом, он холодно бросил:

— А чего ты ожидал?

Цзи Чжаохэн взял Су Яньи за свободную руку, погладил тыльную сторону его ладони и мягко произнёс:

— Если бы А-И позволил мне коснуться своих уст, я был бы по-настоящему счастлив.

Услышав это, Су Яньи поднял голову. Он отложил нефритовые кольца, посмотрел на Цзи Чжаохэна с лукавым прищуром и, изогнув губы в улыбке, тихо прошептал:

— Подойди ближе.

Цзи Чжаохэн, который изначально лишь подшучивал над ним, ожидая привычной ругани, был ошеломлён. Обрадованный, он без колебаний подался вперёд, но в следующую секунду Су Яньи отвесил ему звонкую пощёчину:

— Проваливай!

Удар был сильным, щека Цзи Чжаохэна мгновенно покраснела. Потерев горящую кожу, он вдруг рассмеялся:

— Главное, что ты доволен.

— Убирайся вон! — Су Яньи раздражало само присутствие этого человека. Кому понравится видеть своего тюремщика? А этот ещё и постоянно лез к нему.

— Раз уж ты выплеснул гнев, значит, пришло время мне получить свою награду, — Цзи Чжаохэн поднялся с серьёзным видом и начал распускать свой нефритовый пояс.

Увидев это, Су Яньи охватил страх, смешанный с яростью. Он схватил девять колец и швырнул их в Цзи Чжаохэна:

— Что ты творишь!

Что он творит? Вопрос был лишним. Цзи Чжаохэн поймал кольца, отложил их в сторону, сбросил одежду на пол и, наклонившись над Су Яньи, ответил:

— Делаю то, что хочу.

— Отвали, мерзавец! — Су Яньи отвернулся, не сдержав ругательств.

Он швырял в Цзи Чжаохэна всё, что попадалось под руку на кровати. Если бы не железные

цепи, сковывающие движения, он бы непременно бросился в драку.

— Негодяй! Зверь! Убирайся, не трогай меня, мм...

Су Яньи царапался и кусался, продолжая проклинять его, но Цзи Чжаохэн надёжно зафиксировал его руки и заставил замолчать поцелуем. Несмотря на сопротивление, на теле Су Яньи оставалось всё больше следов. Цзи Чжаохэн целовал властно и требовательно, разрывая губы, и Су Яньи, даже испытывая жгучее отвращение, был вынужден покориться. Холодный, едва уловимый аромат Цзи Чжаохэна проникал в его дыхание, окутывая, словно не желая отпускать ни на миг.

Вскоре тонкие одежды Су Яньи были порваны в клочья. Цзи Чжаохэн, казалось, питал слабость к этому занятию — каждый раз он уничтожал старую одежду, чтобы после завершения всего заменить её на свою собственную. Если бы не природная стыдливость Су Яньи, который терпеть не мог оставаться обнажённым, Цзи Чжаохэн, пожалуй, поскупился бы даже на нательное бельё.

Спустя долгое время Цзи Чжаохэн отстранился. Наконец-то выпустив измученные, слегка припухшие губы Су Яньи, он слегка сжал их пальцами и негромко спросил:

— Ну почему ты никак не научишься быть послушным, а?

Хлёсткий звук пощёчины отозвался в тишине.

Цзи Чжаохэн снова повернул голову, и на его щеке проступил свежий след. Су Яньи яростно вытер губы рукавом, в его глазах пылала ненависть:

— Непослушный, значит?

— Ха... — Цзи Чжаохэн издал нечто похожее на вздох. В его глазах читалось безграничное обожание, но он вновь заключил пленника в объятия, целуя его ещё более грубо и требовательно, чем прежде.

Возможно, из-за того, что Цзи Чжаохэн слишком часто целовал его в последнее время, тело Су Яньи выработало невольную реакцию. Как бы сильно он ни противился в душе, плоть оказалась честнее разума. Он отвернул голову, глядя на туман вдалеке. Там, под пеленой, струился источник. Он не слышал шума воды, но отчётливо улавливал стук сердца и дыхание Цзи Чжаохэна. Каждый звук, каждый удар отпечатывался в его душе, а воздух между ними становился всё гуще и напряжённее.

После карающего поцелуя Цзи Чжаохэн стал нежнее, пытаясь задобрить того, кто был в его руках. Однако Су Яньи лишь насмешливо изогнул губы в провокационной улыбке:

— Сяньцзюнь... ты так искусен в убажании мужчин, неужели в тех борделях обучался...

Цзи Чжаохэн ничего не ответил, но его действия ясно дали понять, что его терпение вовсе не безгранично. Высвободившись, он резко наклонился и до боли укусил Су Яньи в плечо.

Тот замер, не веря в происходящее, забыв даже о боли. Цзи Чжаохэн, хоть и был зверем по натуре, никогда раньше не причинял ему настоящей боли. Опомнившись, Су Яньи не удержался от язвительного выпада:

— Сяньцзюнь и вправду истинный зверь, какой острый язык.

Су Яньи провоцировал его намеренно, ожидая увидеть на лице Цзи Чжаохэна замешательство, но тот лишь тихо рассмеялся:

— Неужели?

Су Яньи хотел было продолжить осыпать его проклятиями, но грубое, подобное железному пруту вторжение заставило его замолчать. Слова застряли в горле, и он на мгновение потерял дар речи.

<http://bllate.org/book/18801/1827681>